

Улусная система и тюрко-монгольские племена Восточного Дашт-и Кыпчака: о некоторых этнических последствиях

Улусная система, легшая в основу административно-территориального устройства Монгольского государства, стала определяющим фактором дальнейших этнополитических процессов на территории империи и, в частности, в Улусе Джучи. Изменение этнической картины Восточного Дашт-и Кыпчака происходило под влиянием военно-политических и административных акций монгольской правящей элиты в несколько наиболее значимых этапов. В ходе образования Монгольского государства в географии этнического расположения различных улусов происходят существенные изменения. Ряд улусов меняет свое месторасположение, другие перестают функционировать как отдельные этнополитические улусные единицы.

Для понимания этого аспекта необходимо выяснение степени влияния административно-территориальных и политических акций монголов на этнополитические процессы в Восточном Дашт-и Кыпчаке. По справедливому замечанию Л.П. Лашука, специально исследовавшего этот вопрос: «Без раскрытия сложных социально-этнических судеб средневековых тюрко-монгольских кочевников – их своеобразной «переплавки» в горниле улусной системы – мы мало, что поймем в особенностях заложения этнической основы позднейших среднеазиатских народностей, как формирующихся целостных социально-этнических организмов» [Лашук 1968, с. 103]. Это утверждение в полной мере относится и к этнической истории населения Восточного Дашт-и Кыпчака.

Начало будущим этнополитическим изменениям в изучаемом регионе было положено реформой 1206 г. «Когда он (Чингиз-хан. – *К.У.*) направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом – Чингис-хана» [Козин 1941, § 202, с. 158]. Так анонимный автор «Тайной истории» начал свой очередной параграф, посвященный теперь уже великому курултаю 1206 г. – событию, ставшему рубежом между домонгольской и монгольской эпохами в этнической и политической истории стран и народов Центральной Азии. И если до этого времени в степи существовали различные этнополитические объединения в рамках отдельных улусов, то после образования нового государства, создавшегося в острой внутривосточной и военной борьбе, многочисленные «улусные этнические общности» (выражение Л.П. Лашука [Лашук 1968, с. 101]) попадают

в зависимость к одному роду монголов – к Чингизидам, трансформируясь при этом в новые образования, сопряженные с воинскими единицами (десятками, сотнями и т. д.). И как следствие этого происходят изменения в этнополитической ситуации, прежняя правящая элита подчиненных родов теряет свою власть и авторитет [Федоров-Давыдов 1973, с. 42]. «С одной стороны, – пишет в этой связи Г.А. Федоров-Давыдов, – масса кочевников попадает в зависимость к какому-нибудь царевичу Чингизиду, уже не представляя собой рода или племени, а являясь обычно смесью различных родов; с другой стороны, выделяется прослойка кочевой аристократии, оторванной от своих сородичей, среди которых некогда она процветала, и превратившейся в вассалов и дружинников (нукеров) тех же царевичей Чингизидов. Понятно, – продолжает исследователь, – что когда монголы (...) появились среди (других. – К.У.) номадов и чужих степей..., то этих кочевников монголы стали рассматривать как материал для построения улусной системы, создания «сотен», «тысяч» и «туменов», т.е. новых улусов... Военный путь создания монгольского государства, где процесс объединения кочевых родов прошел как военное завоевание, порабощение большинства родов одним домом Чингис-хана, вызвало бурный процесс ломки старых племенных и родовых отношений и смешение старых границ и членений» [Федоров-Давыдов 1973, с. 42].

Начавшиеся реформы наносят ощутимый в своих последствиях удар по внутриэтническим и родоплеменным узам. Представители разных этнических объединений и родов оказались в одних тысячах и сотнях, соединенные между собой службой или проживанием в одной местности, смешением своим положив начало новым этническим образованиям. «Смешение родов, поколений и племен монгольских при образовании «тысяч», этих основных единиц в здании империи Чингиз-хана, – отмечал академик Б.Я. Владимирцов, – имело очень важные последствия для родового строя... распределение по «тысячам»; распределение улусов знаменовало распыление целого ряда больших древнемонгольских племен, например, татар, меркит, джаджират, найман, керейт, остатки которых в большинстве случаев оказались разбросанными по разным улусам и улусам-тысячам» [Владимирцов 1934, с.108–110].

Иными словами, в процессе отмеченных перетасовок населения, вошедшего в состав Монгольского государства, происходит разрыв традиционных этнических и родственных связей, складываются смешанные в этническом отношении улусы и уже в их границах идет концентрация разрозненных групп различного генеалогического корня [см.: Лашук 1968, с. 101; Лашук 1967, с. 36]. И это, по мнению

исследователей, было началом того процесса, который привел к формированию народности, конечно же, с учетом конкретно-исторических обстоятельств [см.: Лашук 1968, с.101].

Распределение тюрко-монгольских улусов и родов в государстве Чингизидов по уже новым улусам и «тысячам» достаточно ярко обрисовано в «Джами́ ат-таварих» Рашид ад-дина. Применительно к Улусу Джучи этот вопрос в определенной мере исследован Г.А. Федоровым-Давыдовым [Рашид ад-дин 1952б, с. 274–281; Федоров-Давыдов 1973, с. 55–63]. Раздел «Сборника летописей», посвященный распределению «тысяч» между представителями новой монгольской аристократии, окружавшей Чингиз-хана, наглядно свидетельствует именно о разрушении традиционных этнических и родовых связей⁴². «Тумены», «тысячи» и даже «сотни» составлялись из представителей различных родов и поколений. Лишь в отдельных случаях та или иная «тысяча» состояла из представителей одного рода и этот момент всегда оговаривался. В большинстве случаев это происходило в результате особых заслуг прежней родовой аристократии. Так предводитель «Левого крыла» *зо-ван* Мухали имел своим улусом три тысячи джалаирав (он сам из этого рода), причину этого Рашид ад-дин пояснил тем, что он был «влиятельным эмиром и оказал похвальные услуги» [Рашид ад-дин 1952б, с. 270]; отдельные родовые предводители (как-то: уруты Кэнтай и Бучин, икирас Буту-гурган, пять кунгиратских эмиров, мангыт Куилдар-сечен, баарин Ная и некоторые другие) получили в улусы своих сородичей за службу «от чистого сердца» или за «великие заслуги» [Рашид ад-дин 1952б, с. 269–274]. И даже в этом случае части представителей родов, не вошедших, например, в улусы указанных тысячников и нойонов, оказывались разбросанными по другим улусам, нередко далеко за пределы своих исконных кочевий⁴³.

На то, что «тысячи» формировались из разных родов, Рашид ад-дин в отдельных случаях прямо указывал. Две «тысячи» из пяти, данных Отчигин-нойону, брату Чингиз-хана, состояли «из разных племен» [Рашид ад-дин 1952б, с. 277]; тысячу сыновей Джучи-Касара, которые были племянниками Чингиз-хана, последний дал им, собрав ее «отовсюду понемногу» [Рашид ад-дин 1952б, с. 277]. Та-

⁴² Смешение племен В.П. Костюков именовал «политическим инжиниринг-гом». Он считал, что эти «остроумные предположения» (современных исследователей – К.У.) подтвердить источниками невозможно [Костюков 2006, с. 225].

⁴³ Н.Ц. Мункуев [Мункуев 1977, с. 398] обращает внимание на то, что у Рашид ад-дина мы встречаем упоминания о представителях почти всех монгольских племен, находившихся в его время (начало XIV в.) на службе у *ильханов* (монгольские правители Ирана).

ким же образом были составлены три тысячи другого племянника Чингиз-хана Элджидай-нойона и т. д. и т. п.

Формирование тысяч, отданных Джучи и отправленных вместе с ним в Восточный Дашт-и Кыпчак, происходило на этой же основе. Обратимся к «Джами' ат-таварих», где об этом говорится более или менее подробно: «Часть старшего сына (Чингиз-хана. – К.У.) Джочи-хана [составляла] четыре тысячи человек.

Тысяча Мунгура, бывшего из племени сиджиут (ответвление нирунов – К.У.). В эпоху Бату он ведал [войском] левой руки. В настоящее время (начало XIV в. – К.У.) из эмиров Токтая, некто по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца.

Тысяча Кингитая Кутан-нойона⁴⁴, бывшего из племени кингит (ответвление дарлекинов. – К.У.). Его сын по имени Хуран, который был у царевича Кулчи⁴⁵, из числа старших эмиров этого улуса.

Тысяча Хушитай, бывшего из эмиров племени хушин (также из дарлекинов⁴⁶. – К.У.), из числа родичей Боорчи-нойона.

Тысяча Байку, [также] бывшего из племени хушин. Он ведал бараунгаром, т.е. войском правой руки.

Этих четырех упомянутых эмиров⁴⁷ с четырьмя тысячами войска Чингиз-хан отдал Джочи-хану» [Рашид ад-дин 1952б, с. 274–275].

Два последних эмира в обзоре тюркских и монгольских племен этого же труда показаны как один человек, который (здесь) являлся старшим эмиром, ведавшим правым крылом войска Бату и звали его Хушитай-Байку из племени хушин [Рашид ад-дин 1941, с. 30].

⁴⁴ Согласно Рашид ад-дину [Рашид ад-дин 1960, с. 45] Кутан находился при сыне Джучи Сонгуре и участвовал в военных действиях против кыпчаков в 1242 г.

⁴⁵ Правильнее читать Кунчи или Кунджи, как это написано в остальных рукописях. Очевидно точка над буквой «нун» в срединном написании слилась с зубчиком, тем самым дав букву «лам». В СМИЗО дано написание Коничи, которое нами и принято. Комментарий составителей СМИЗО к этому имени см. [Сборник 1941, с. 30, прим. № 1].

⁴⁶ Состав родов, входивших в два основных подразделения монгольского народа нирунов и дарлекинов подробно разобран монгольским ученым Д.Гонгором [Гонгор 1970, с. 43–46].

⁴⁷ Г.А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1973, с. 55, прим. № 67] отождествляет Мункеура (Мунгуура) «Тайной истории» с сиджиут-нируном Мунгуром Рашид ад-дина, генигесца Хунана с хушином Хушитаем и Кете с кингит-дарлекином Кутаном, соответственно.

Возможно, был один эмир из хушинов и руководил он сразу двумя тысячами. Хотя по мнению Р.П. Храпачевского Рашид ад-дин и его «сводчики» неправильно поняли выражение монгольского первоисточника *husin-tai baiqu*, что на самом деле означает «Байку вместе с хушинами» [Храпачевский 2008, с. 85].

В «Тайной истории» говорится, что Чингиз-хан выделил Джучи 9000 юрт [Козин 1941, § 242] и приставил к нему троих: Хунана, Мункеура и Кете [Козин 1941, § 243]. Та небольшая информация, которая есть об этих нойонах в «Тайной истории» сводится к следующему: Хунан (*Qunan*) из рода (курень) генигесцев (*kenikes*), ответвления дарлекинов [Гонгор 1970, с. 57] присоединился к Чингиз-хану со всем своим куренем сразу же после разрыва того с Джамуха-сеченом [Козин 1941, § 122]. За два десятилетия, прошедшие после этого события и до курултая 1206 г., Хунан показал себя с лучшей стороны, заслужил похвалу Чингиз-хана [Козин 1941, § 210] и стал седьмым нойоном-тысячником из девяносто пяти людей, трудившихся с Чингиз-ханом в создании государства [Козин 1941, § 202]. Учитывая все это, хан приставил его к Джучи: «Чжочи – мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи» [Козин 1941, § 210]. Двое других нойонов, приставленных к Джучи, Мункеур и Кете, до этого лишь однажды упоминаются автором «Тайной истории» в списке девяносто пяти нойонов-тысячников: Мункеур, в написании Мунгуур, тридцать девятым и Кете, в таком же (*Kete*) написании, пятидесятым. Лубсан Данзан практически в тех же словах повествует об этом. Но и здесь сказалось то, что автор не заботился о точности передачи конкретных обстоятельств и деталей событий [подр. см.: Михайлов 1962, с. 87], в результате этого Джучи, как и все остальные Чингизиды получил вместо девяти тысяч юрт – девять тысяч людей [Лубсан Данзан 1973, с. 186]. В первом случае людей получается чуть меньше полсотни тысяч⁴⁸. Совершенно иная цифра. Несколько отличается написание имен нойонов, назначенных в помощь Джучи: Хуна (*Quna*, в ТИ *Qunan*), Монгхур (в ТИ Мункеур), и Хитан (*Kitan*, в ТИ *Kete*) [Лубсан Данзан 1973, с. 187].

⁴⁸ Исходим из того, что одна юрта (минимум) выставляла одного воина (о системе подсчета населения см. [Мункуев 1977, с. 394]).

В очередной вставке Лубсан Данзана, которой нет в «Тайной истории», к Джучи в помощь направлены Хукин-нойон и Мунгэту-бахадур. Ни первого, ни второго нет в «Тайной истории», нет их и в «Джами ат-таварих». Н.П. Шастина пыталась идентифицировать Хукин-нойона с Хуку-нойоном из кунгиратов, о котором упоминает Рашид ад-дин [Рашид ад-дин 1952б, с. 271], однако последний не покидал коренной юрт (т.е. Монголию) в качестве «даруги» кыпчаков и вместе со своими братьями являлся тысячником «левого крыла». Мунгэту-бахадур же исследователи твердо идентифицировали с тысячником «правого крыла» Мугэду-Кияном (Мукту-Кыян), упоминаемым в «Джами ат-таварих». Он и Куки-нойон являлись сыновьями Кийана (Кыяна). «Племя кият, – пишет Рашид ад-дин, – которое в настоящее время находится у Токтая и о котором говорят, что оно составляет один *туман*, и большинство других киятов суть из их потомства» [Рашид ад-дин 1952б, с. 270]. Но Мугэду-Кияна, о котором говорит Рашид ад-дин, нет в «Тайной истории», попытка идентифицировать его с Мунгету-Кияном [Рашид ад-дин 1952б, с. 270, прим. № 4] не удачна. Мунгету-Киян из «Тайной истории» никогда не был тысячником Чингиз-хана, и по всей видимости в изучаемую эпоху уже не жил. Он и его младший брат Есугей-бахадур, отец Тимучина, являлись сыновьями Бартан-бахадур [Рашид ад-дин 1952б, с. 46, 48–49]. В этом качестве упоминается он и в «Тайной истории» [Козин 1941, § 50]. Следующий раз это имя в «Тайной истории» всплывает в связи с его сыном: «Сын Мунгету-Кияна – Унгур со своими чаншиутами (ответвление нирунов. – К.У.) и баяудцами (ответвление дарлекинов. – К.У.)» [Козин 1941, § 120]. Унгур (Онгур) был с Чингиз-ханом в одном курене [Козин 1941, § 213] и являлся его «кравчим». В полном соответствии с этим Онгур-нойон упоминается в «Сборнике летописей» как тысячник «левого крыла» «из племени баяут, ветви [монголов] дарлекинов», являвшийся «смотрителем за изготовлением пищи» [Рашид ад-дин 1952б, с. 272].

Таким образом, очень трудно определенно связать литературных персонажей Лубсан Данзана с историческими личностями XIII в. Возможно, необходимо обратить внимание на сыновей упомянутого выше Мунгету-Кияна, т.е. братьев Онгура, которых нет в «Тайной истории», но которые дважды встречаются в труде Рашид ад-дина Куки-нойон и Мунгэту-бахадур. Вполне вероятно, что именно о них и говорит Лубсан Данзан. Они являлись эмирами племени киятов

(кият) и находились в Дашт-и Кыпчаке. Их потомки и во времена золотоордынского хана Токты были многочисленны и уважаемы [Рашид ад-дин 1952б, с. 46, 49, 270]. Однако, согласно «Тайной истории», баяуд Онгур, его отец Мунгету-Киян и соответственно дети последнего Куки-нойон и Мугэду-бахадур, упоминаемые в «Джами ат-таварих», являлись представителями рода дарлекин (баяуд) и не могли быть киятами (потомки Кабул/Хабул-хана), которые происходили от нирунов (Бодоночар). Возможно автор «Тайной истории» дважды назвавший Онгура сыном Мунгету-Кияна [Козин 1941, § 120, с. 213], допустил неточность и Онгур не являлся сыном по крови Мунгету-Кияна. Это предположение подтверждается тем, что в подчинении у Онгура находятся чаншиуты (нируны) и баяуты (дарлекины), и просит он при этом у Чингиз-хана разрешения собрать воедино разбросанных и разметанных своих братьев баяутов и не говорит о чаншиутах, которые, по всей видимости, не были его родом, и соответственно, он не был сыном Мунгету-Кияна? В этой связи небезынтересно замечание Рашид ад-дина: «Дети Мунг[эд]у-Кияна Чаншиут и [его] братья (очевидно, Куки-нойон и Мугэту-бахадур. – К.У.), которые суть двоюродные братья Чингиз-хана (т.е. нируны-кияты. – К.У.) и племя баяут из дарлекин (не кияты. – К.У.), предводитель которых Онгур» [Рашид ад-дин 1952б, с. 87]. Последний упомянут отдельно и отец его не назван.

Этот достаточно запутанный момент истории сложения Джучидского Улуса не привлек внимания исследователей, зачастую не сомневавшихся в достоверности сообщений «Алтан тобчи» Лубсан Данзана. Ц.Ж. Жамцарано, впервые опубликовавший отрывок о выделении Джучи и Чагатая, Хуин-нойона (Хукин) и Монкету-батора (Мунгету-бахадур), считал его «одним из важнейших фрагментов из «Алтан тобчи» и подлинность его, т.е. современность Чингиз-хану, и правдивость не возбуждает сомнения» [Жамцарано 1936, с. 108]. Но ни это, ни последующее его утверждение [Жамцарано 1936, с. 117] не получают подтверждения материалами более ранних источников.

Учитывая все вышесказанное, можно, очевидно, не брать во внимание позднюю вставку Лубсан Данзана об отправлении к Джучи еще двух нойонов, так как историчность их вызывает сомнение.

Таким образом, без учета этих данных из «Алтан тобчи», можно констатировать, что первоначально вместе с Джучи на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака на постоянное проживание были

отправлены представители основных монгольских родов: во главе с нойонами из нирунов и дарлекинов в количестве от 20 тысяч (если было выделено 4 тысячи войска) до 50 тысяч (если 9 тысяч юрт) человек. К этой цифре необходимо прибавить один тумен (10 тысяч + их семьи) киятов и отдельных представителей других родов. С учетом всего этого, количество монголов, пришедших на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака могло достигать до 70–100 тысяч человек⁴⁹.

По мнению Н.Ц. Мункуева [Мункуев 1977, с. 397], к этой цифре необходимо прибавить армию Джучи, участвовавшую в военных действиях против государства Хорезмшахов, которая «также осталась в его владениях». Учитывая эти и другие факторы, Н.Ц. Мункуев пришел к заключению, что в Улусе Джучи «осело еще очень много монгольских воинов, которые со временем полностью денационализировались и отюречились».

Согласно изысканиям К.А. Пищулиной [Пищулина 1997в, с. 280–295], войны Чингиз-хана переместили из глубин Центральной Азии на Запад значительное число монголов [Пищулина 1997в, с. 282], однако, данные, конкретизирующие численность монгольских войск на территории Казахстана, весьма противоречивы у разных авторов средневековых исторических сочинений. Приводятся свидетельства источников (Вассаф-и хазрат и Рашид ад-дин), говорящих о том, что четыре личные «тысячи» отданных Джучи, составляли более одного тумена войска и что войска Орда-Ежена, брата Бату «составляли в то время 50 тыс. человек, а с семьями – 150 тыс.» [Пищулина 1997в, с. 283].

По мнению же В.П. Костюкова «перспективного метода для исчисления реальной доли монголов в улусе Джучи на основе письменных данных сейчас нет» [Костюков 2006, 224].

До настоящего момента говорилось об этнических изменениях в Восточном Дашт-и Кыпчаке, ставших следствием, главным образом, с одной стороны, притока нового этнического компонента в регион, в основном монгольского, с другой – трансформации внутренней родоплеменной структуры завоеванного (т.е. кыпчакского) населения. Но необходимо также обратить внимание на тот момент, что значитель-

⁴⁹ По подсчетам Р.П. Храпачевского «общее количество монголов, входивших в состав улуса Джучиева составляет около 70 000 человек» [Храпачевский 2008, с. 87].

ные части местного (кыпчакского) населения перемещаются в другие регионы Монгольской империи, что, конечно же, сказывалось на общей этнической ситуации не только тех регионов, куда они попадали,⁵⁰ но и в самой кыпчакской степи. Значительное количество населения кыпчакской степи было либо физически уничтожено, либо было вынуждено покинуть родные кочевья в результате двух основных монгольских вторжений (1219–1224 гг. и 1237–1242 гг.), оставшаяся часть населения была распределена по улусным единицам, во главе которых встали завоеватели. Автор этих строк остается на позициях традиционного восприятия этнической картины в регионе после монгольского нашествия, в рамках которых признается преобладание местного тюрко-кыпчакского населения над пришлыми тюрко-монгольскими племенами. В последние годы некоторые исследователи подвергали сомнению мысль об этническом господстве кыпчакского этнического компонента в послемонгольский период, говорили о массовом истреблении кыпчакского населения монголами. Так, В.П. Костюков в статье «Была ли Золотая Орда “Кипчакским ханством”?» полагает, что в источниках «просматривается неуклонно осуществлявшееся избиение населения Дашт-и Кыпчака» [Костюков 2006, с. 216]. Он полагает, что «такие факторы, как экстраординарная продолжительность борьбы и ее жесточечность, вырисовывающиеся масштабы потерь и бегства, методы использования военнопленных и практика переселений, несомненно коснувшаяся кипчаков, заставляют усомниться в том, что покорившиеся сразу или смирившиеся «после долгой беготни» (Рашид ад-Дин) могли обрести роль ведущего этноса Золотой Орды [Костюков 2006, с. 221]. И далее: «25-летние усилия монголов, направленные на покорение кипчаков, было бы более справедливо охарактеризовать как демографическую катастрофу, а не легкую встряску, все лишь «приостановившую» политический и культурный рост кипчаков» [Костюков 2006, с. 234]. Несомненно, завоевание Восточного Дашт-и Кыпчака сопровождалось истреблением части местного населения

⁵⁰ Этническая адаптация и роль кипчаков за пределами своих кочевий достаточно ярко обрисована в исследовательской литературе (см. напр.: монографии Л.Н. Гумилева [Гумилев 1989] и А.Ш. Кадырбаева [Кадырбаев 1997]). Здесь лишь отметим, что участие кипчаков в этнополитических процессах не только на территории Монгольской империи, но и за ее пределами (Египет, Индия, Восточная Европа) получило свое яркое отражение в источниках той эпохи (см. напр. в Юань-ши [Кычанов 1963, с. 63–65]).

(об этом говорилось выше), справедливо мнение исследователя, что это не было «легкой встряской», но искать в монгольской оккупации свидетельства геноцида кыпчаков вряд ли правомерно. Здесь стоит согласиться с мнением А.Г. Юрченко, что эти выводы В.П. Костюкова построены на «буквальном прочтении средневековых свидетельств о тотальном истреблении половцев, <...> насильственная смена элит носила глубоко символический характер и не повлияла на традиционный уклад жизни кочевников. Гнев Чингис-хана <...> коснулся не рядовой массы степняков, а лишь их предводителей» [Юрченко 2006, с. 181]. М.Г. Крамаровский полагает, «что наблюдения В.П. Костюкова, акцентирующие драматические последствия монголо-кыпчакского противостояния в сфере этнических процессов в масштабах всего Дешт-и Кыпчак, интересны, но не слишком убедительны, поскольку основной массив тюрко-язычных кочевников (куманов, половцев и кыпчаков, сохранявших, видимо, и в XIII в. этнические различия), устоял, несмотря на потери. Едва ли это могло быть иначе, поскольку в восточноевропейских степях накануне монгольского вторжения кочевало свыше полумиллиона “кыпчаков”» [Крамаровский 2012, с. 19].

Возвращаясь к этнополитическим следствиям военно-политических и административно-территориальных акций монгольской верховной власти и «нойонства», следует констатировать наличие значительных этнических изменений на территории Восточного Дашт-и Кыпчака, как в плане состава, так и в плане географии отдельных этнических и родовых (на низшем уровне) объединений региона. И, что не менее важно, эти изменения происходили под влиянием именно политических мероприятий правящей элиты Монгольского государства, а более конкретно это выражалось во введении ими улусной системы, новой структуры административно-территориального устройства завоеванных территорий, в конечном счете, изменившим этнополитическую ситуацию на всем протяжении Джучидского Улуса. В этой связи небезынтересно мнение ряда историков, занимавшихся изучением этого аспекта. К.А. Пищулина вполне обоснованно считает, что монгольское завоевание внесло значительные изменения в этническую структуру местного населения, резко изменило само развитие этнического процесса, внесло коррективы в его движение и характер [Пищулина 1997в, с. 283, 281]. По верному замечанию Г.А. Федорова-Давыдова: «монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая

была характерна для старого кочевого общества половецкой степи, и поставило население Дашт-и Кыпчака в рамки улусной системы...» [Федоров-Давыдов 1973, с. 171]. Совершенно справедливо рассматривая родоплеменные подразделения тюрков и монголов как «социальные организмы с различной структурой, которые менялись в различные исторические периоды» [Лашук 1967, с. 27], Л.П. Лашук, реконструируя процесс формирования этнических общностей кочевников средневековья, пришел к важному заключению: «Особенно трансформировались понятия, связанные с родовой принадлежностью к объединениям более крупным, чем уруг (омак), объединениям, которые со времен разверстания подвластного Чингиздам населения по «тысячам» и «тюменям» (улусам) приняли характер военно-политических единиц и феодальных уделов. Если «тысячи» и могли соответствовать сохранившимся в целостности племенам, то тюмены-улусы обычно составлялись из «тысяч» и отдельных родов, собранных воедино принудительной властью из разных племен. Не следует забывать и того, что большие улусы-владения включали в свой состав совершенно различные по происхождению этнические группировки, которые могли сближаться и смешиваться друг с другом, создавать новые «родственные» объединения...» [Лашук 1967, с. 38].

Таким образом, резюмируя выше обозначенные аспекты, необходимо отметить следующее: завоевание и включение территории Восточного Дашт-и Кыпчака в состав Монгольской империи имело два (в исследуемом ракурсе) наиболее важных последствия в дальнейшей этнополитической истории региона. Монгольское господство существенным образом изменяет формы этнической и социально-политической структуры завоеванного населения, что, несомненно, сказывается впоследствии на всей этнополитической ситуации в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Происходит политическое объединение населения в рамках границ Улуса Джучи, первоначально ограниченного именно территорией Восточного Дашт-и Кыпчака. И уже, исходя из этого, в рамках этих политических границ Улуса идет этническая консолидация кочевого и полукочевого населения, выразившаяся впоследствии в образовании ряда новых тюркоязычных этносов Центральной Азии [Федоров-Давыдов 1973, с. 172–176; Лашук 1968, с. 103; Пищулина 1997в, с. 286–287].